

Сентябрьские вернисажи

МОСКОВСКИЙ ГИПЕРРЕАЛИЗМ

Независимая галерея - 1998 - 23 сент. - с. 7

Валерий Турчин

СЕНТЯБРЬСКАЯ выставка Франциско Инфантэ прошла в ГТГ. Этот «Контекст», организованный по инициативе галереи «Кино», стал и неким «интертекстом» для сентября — в том смысле, что пора, мол, собираться на вернисажные тусовки. Выставка, демонстрирующая манипуляции с ландшафтом и оптические эффекты в фотографии, показала приятную академичность (видимо, внутренне запрограммированную) бывшего андеграунда. Астрологические орнаменты инфантэвского артефакта «Проект реконструкции звездного неба» нагадали идти в галерею «Манеж». Тут ждет нас в течение всего сентября «Урок 16. Увеличение».

Гиперреализм получил такое название еще от Сальватора Дали, видевшего в нем продолжение французского сюрреализма. Уроки французов запомнились на берегах Москвы-реки, хотя холодный фотореализм американцев был как-то ближе. Скорее по технике, чем по идеям. Наши часто предпочитают «blow up»: объективистскую фиксацию при изменении масштаба, приближении фрагмента. Это и можно видеть в полотнах Файбисовича, Шерстюка, Волкова, Базилева, Гета, Гречиной и др. Видно, что некоторые из них подавляли в себе стихийное чувство фактурной живописности

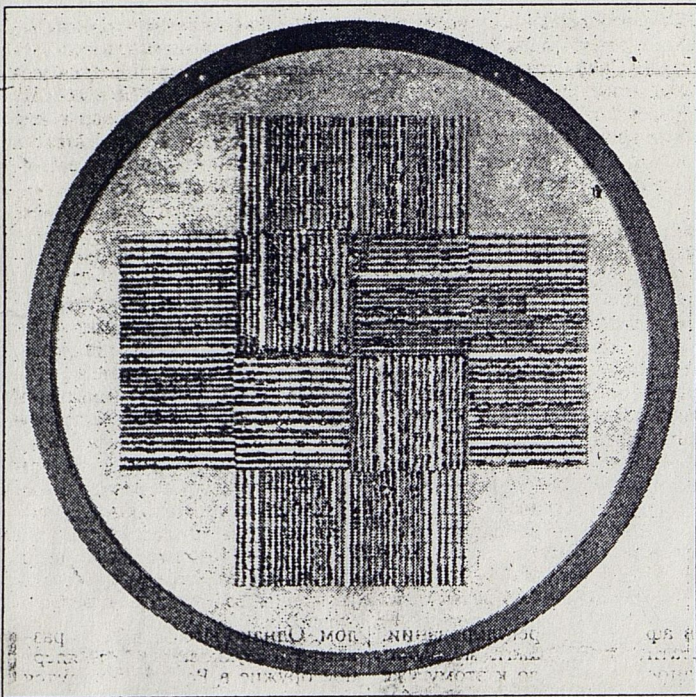
Из серии Георгия Пузенкова «Мона Лиза».

новой культуры вечная «Мона Лиза», некогда блестяще изнасилованная дадаистами, который раз улыбается. Чему же? Ее компьютеризированный образ, выклеенный на большом планшете, долго таскали по российским дорогам, полям и московским закоулкам. То, что она там неуместна (а кто сомневался?), доказано фотодокументами. Единственно, куда «икона» подошла по размеру, — телефонная будка («Позвони мне, позвони...»). Подзабылось как-то, видимо, что подлинный шедевр Леонардо двадцать пять лет назад посещал российскую столицу — был временно прописан в ГМИИ и собирал толпы. В зале галереи теперь пусто.

очередную в Венеции). Выставка открыта в Московском аукционном доме при содействии галереи «Кино». Дом этот расположен в Олсуфьевском переулке в доме архитектора Р.И. Клейна, некогда возводившего Музей изящных искусств на Волхонке. Выставка ретроспективна. Чтобы понять магию мастерства Плавинского, стоит взглянуть на офорт большого размера «Забутая разрушенная церковь» (1975 г.). Таких больших офортов (64 x 145 см) в истории искусства и не встретишь; такая работа на год, если не более. Микроскопическая деталь офортной иглой сплетается с другой, и так далее, и так далее. Призрачное кружево штрихов ностальгической паутиной завешивает взор.

Сквозь века и цивилизации художник прошупывает хаос древности, давно забытое, оставившее следы на уровне врожденного мифологического сознания. Тени неведомых строений, доископаемые, но найденные фантазией призраки неколлекционных бабочек, флора пещер Платона (была ли она, впрочем, там?) и панцири чужих ли не внеземных черепах составляют собственный «музей Плавинского». Вся изощренная техника мастера посвящена тому лишь, чтобы сохранить увиденное-почувствованное для современного зрителя. Об этом и выставка. «Что касается техники живописи», — говорил Плавинский в 1994 году, — я тщательно ее изучал в музеях. Копировал с подлинников фламандские портреты, куски египетских фресок, византийские и русские иконы, фрески Новгорода и Пскова, портреты Эль Греко и натюрморты Сезанна. Интуитивно нащупывая собственные средства выражения, я пошел путем нидерландского письма XV века». Это, поясним мы, поиск взаимососуществования материалов, поверхностей, структур. Как янтарь насекомое, затопляя слои красок нижележащий рисунок, придавая ему обаяние тайны и сверканье драгоценных камней. Крупный знак — будь то крест, круг, силуэт рыбы или черепахи — сочетается с множеством деталей, порой состоящих из нот и писем. Зная их, искушенный зритель может и «озвучить» иные из произведений.

Заметили, что, кто собирает произведения Плавинского, тот коллекционирует и работы Анатолия Зверева. Потому и мы не удивимся, что через месяц в Аукционном доме будет открыта выставка того, кого называли «Звездою».

«Серебряный диск» Дмитрия Плавинского.

ради «точности», некоторые же находили компромиссное равновесие. В экспозиции, правда, не хватало работ Тегина (их всегда-то и было немного), любившего одинокий объект изображения — изолированный, стерильно чисто представленный. Но Тегин теперь поет рок-оперы, и голос его слышен издалека. Тем не менее «московский гиперреализм» существует наперекор моде уже лет двадцать, дата на некоторых холстах — 1998.

У Марата Гельмана экспонированы работы Георгия Пузенкова, он же в простонародье — «Пузо», — пребывающего между Кельном и Москвой. Превращенная в икону

Между тем в наше время проявляется определенная тенденция «музеизации» галерей, делающих ставку на «нетленное». Наметились и «галереизация» музеев — примерами могут служить и Третьяковка, и Исторический музей с выставкой портретов «вождей», и ГМИИ.

В Москве открылась выставка Дмитрия Плавинского. Она была запланирована, тщательно подготовлена и ожидаема. Более того — «омузеелена».

Авторитет мастера неоспорим. Он складывался давно. Ныне Плавинский живет в Нью-Йорке (на выставку не приехал, готовит